

DOI: 10.25178/nit.2025.1.5

Статья

Религиозная ситуация в Туве: проблемы, направления и перспективы (по материалам западных исследований XXI в.)

Татьяна В. Излученко

Сибирский федеральный университет; Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Российская Федерация,

Денис Н. Гергилев

Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»; Сибирский федеральный университет, Российская Федерация,

Елена П. Мамышева

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

В статье представлена авторская классификация опубликованных в начале XXI в. трудов западных исследователей, посвященных религиозной ситуации в постсоветской Туве. Проведенный анализ позволил выявить сложившиеся тенденции к изучению многообразия религиозного опыта местного населения. Несмотря на присутствие в регионе религиозных объединений, принадлежащих к различным религиозным традициям, научно-исследовательский интерес неизменно вызывают шаманские практики. Сопутствующая изменениям в политико-правовой сфере институализация шаманизма актуализировала изучение трансформации религиозной жизни тувинцев, взаимодействия шаманов с буддийским духовенством.

Авторами выявлены и охарактеризованы следующие направления. В обзорных исследованиях Ф. Уолтерса, Э. Поппе, Б. Донахо рассматриваются особенности религиозного ландшафта Тувы, тенденции развития местных верований и тибетского буддизма, их трансформацию в постсоветских реалиях. В отдельных исследованиях шаманизма (Е. Фридман, К. Хамфри, Г. Линдквист, К. Зорбас) анализируется влияние досоветских духовных элементов на процесс возрождения шаманских практик. В других работах (П. Брамвел, Т. Левин, К. Пегг) актуализируется этномузикальная составляющая шаманизма и местных песнопений (фольклора), подчеркиваются анимистический характер и взаимодействия тувинцев с окружающим миром. Особо выделены когнитивные работы (К. Ван Дьюзен, Б. Пуржицкий, Ч. Степанофф, Т. Михаэль, М. Стельмажик, Б. Кристерсон), рассматривающие становление специфики местного религиозного сознания, онтологических представлений и деятельности шамана как социального актора, коммуницирующего с духами и обеспечивающего социальный миропорядок. Исследования шаманистско-буддийского синтеза представлены трудами Д. Харрисона, К. Пименовой, А. Ольшгегель, в которых предпринимается попытка выявить общее и особенное в сложившемся религиозном синкретизме между шаманизмом и буддизмом.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; постсоветская Тува; религиозная ситуация; шаманизм; буддизм; история религии

Для цитирования:

Излученко Т. В., Гергилев Д. Н., Мамышева Е. П. Религиозная ситуация в Туве: проблемы, направления и перспективы (по материалам западных исследований XXI в.) // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 63-77. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.5>

Излученко Татьяна Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета; старший научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук». Адреса: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79; 660036, Россия, г. Красноярск, Академгородок, д. 50. Эл. адрес: izluchenko@mail.ru

Гергилев Денис Николаевич — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»; заведующий кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета. Адреса: 660036, Россия, г. Красноярск, Академгородок, д. 50; 660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Эл. адрес: turilak@yandex.ru

Мамышева Елена Петровна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Эл. адрес: sozor@mail.ru

Article

Religious situation in Tuva: problems, directions and prospects (based on the materials of Western studies of the XXI century)

Tatiana V. Izluchenko

Siberian Federal University; Krasnoyarsk Research Centre, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Denis N. Gergilev

Krasnoyarsk Research Centre, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences;
Siberian Federal University, Russian Federation,

Elena P. Mamysheva

Siberian Federal University, Russian Federation

The article presents the author's classification of works by Western researchers published in the early 21st century that focus on the religious situation in post-Soviet Tuva. The analysis has made it possible to identify established trends in the study of the diversity of religious experiences among the local population. Shamanic practices consistently attract scientific research interest, despite the presence of religious organizations in the region that belong to various religious traditions. The modern institutionalization of shamanism has highlighted the need to study the transformation of the religious life of Tuvans, the interaction between shamans and Buddhist clergy.

The authors have identified and characterized the following research directions. In overview studies by F. Walters, E. Poppe, and B. Donahoe, the features of Tuva's religious landscape, trends in the development of local beliefs and Tibetan Buddhism, and their transformation in post-Soviet realities are examined. In specialized studies on shamanism (E. Friedman, C. Humphrey, G. Lindquist, K. Zorbas), the influence of pre-Soviet spiritual elements on the revival of shamanic practices is analyzed. Other works (P. Bramwell, T. Levin, K. Pegg) highlight the ethnomusical component of shamanism and local chants (folklore), emphasizing their animistic nature and the interaction of Tuvans with the surrounding world. Particular attention is given to cognitive studies (K. Van Deusen, B. Purzycki, C. Stephanoff, T. Michael, M. Stelmazik, B. Christerson), which explore the formation of the specificity of local religious consciousness, ontological representations, and the role of the shaman as a social actor who communicates with spirits and ensures social order. Studies on shamanic-Buddhist synthesis are represented by the works of D. Harrison, K. Pimenova, and A. Olschlegel, who attempt to identify the common and unique aspects of the religious syncretism between shamanism and Buddhism.

Keywords: Tuva; Tuvans; post-Soviet Tuva; religious situation; shamanism; Buddhism; history of religion

For citation:

Izluchenko T. V., Gergilev D. N. and Mamysheva E. P. Religious situation in Tuva: problems, directions and prospects (based on the materials of Western studies of the XXI century). *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 63-77. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.5>

IZLUCHENKO, Tatiana Vladimirovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Siberian Federal University; Senior Researcher, Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal addresses: 79 Svobodny av., 660041, Krasnoyarsk, Russia; 50 Akademgorodok, 660036, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: izluchenko@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5644-301X

GERGILEV, Denis Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Head, Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University. Postal addresses: 50 Akademgorodok, 660036, Krasnoyarsk, Russia; 79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: turilak@yandex.ru

 MAMYSHEVA, Elena Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University. Postal address: 79 Svobodny av., Krasnoyarsk, 660041, Russia. E-mail: sozor@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1620-5679

Введение

В условиях современного общества проблема социетальной безопасности, заключающаяся в сохранении устойчивого развития традиционных форм культуры, религии, языка и укреплении самобытности общества, приобретает свою актуальность по причине ее связи с этнокультурной идентичностью (Roe, 2021: 221–235). Для проведения исследований, акцентирующихся на взаимодействии различных культур на определенной территории с ограниченным внешним влиянием, Тува представляет уникальные возможности. Она является своеобразным перекрестком не только в экологическом и политико-административном, но языковом и религиозном планах. На ее территории, выступающей пограничьем, трансграничьем, лимитрофной зоной между цивилизациями, происходит формирование исключительной социокультурной общности кочевников, шаманистов и буддистов (Ламажаа, 2021: 179–180).

На развитие религиозной ситуации, специфику возрождения традиционных верований влияют, в первую очередь, местные факторы, обусловленные этнической идентичностью, хозяйственной деятельностью, картиной мира этноса и политической историей. Согласно закону Республики Тыва от 1 апреля 1995 г. № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» к традиционным конфессиям в регионе отнесены шаманизм, буддизм и православие¹. Нами под «религиозной ситуацией» понимаются исторически сложившиеся на определенной территории межрелигиозное взаимодействие и модель государственно-религиозных отношений. Традиционными представляются религиозные верования, передаваемые от поколения к поколению местного населения, отражающие идентификационные ориентиры и институализирующие, формализирующие религиозный опыт.

С конца XX в. Тува стала местом притяжения различных зарубежных исследователей (этнолингвистов, фольклористов, антропологов, историков), получивших в результате изменений политической ситуации возможность проведения полевых работ (Монгуш, 2010). Предметами их исследований стали социокультурная специфика постсоветского пространства, механизмы возрождения религиозной жизни, межэтническое и межрелигиозное взаимодействие, музыка, в частности горловое пение. Однако в рамках имеющей место быть тенденции к исследованию шаманизма, наибольший интерес был связан с местными традиционными верованиями (шаманские практики, анимизм). На волне популярности такого рода социальных практик тувинские шаманы приглашались в разные страны мира «для оказания услуг по запросам», выполняя лечебно-оздоровительные функции, обеспечивая информационное сопровождение духовных семинаров и делясь своим трансцендентным опытом (Харитоновна, 2018: 55–57). Институтом социальной антропологии им. Макса Планка г. Халле (Германия) в рамках научного семинара «К оценке религиозной ситуации в Сибири и соседних регионах» был обозначен спектр вопросов: нешаманизм, религиозная ситуация в Сибири и необходимость соответствующих теоретических разработок². Популяризации тувинского шаманизма способствовала деятельность физика Р. Лейтона, вдохновленного своим коллегой Р. Фейнманом и создавшего объединение «Друзья Тувы (Friends of Tuva)» (1989). Этнограф Х. Лаппалайнен организовал проведение Международного симпозиума по изучению шаманизма в Туве (1993)³.

Целью данной статьи является выявление направлений в западных исследованиях начала XXI в., посвященных религиозной ситуации в Туве, согласно предмету исследования, примененной методологии и практической ориентации. Фокус нашей работы определяется востребованностью дальнейшего проведения анализа трудов западных исследователей в области культурной и социальной антропологии, основывающегося на новых теоретико-методологических подходах и специальных аналитико-типологических исследованиях. Анализ и характеристика передовых научных методологических разработок применительно к местной религиозной специфике позволят в даль-

¹ Закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 г. № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Информационно-правовое обеспечение Гарант+. URL: <https://base.garant.ru/28700018/?ysclid=m1rckcme9d336893791> (дата обращения: 02.10.2024).

² Балалаева О. Э., Харитоновна В. И. Научный семинар. К оценке религиозной ситуации в Сибири и соседних регионах [Электронный ресурс] // Этнографическое обозрение Online. 2007. URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/2007/01/eoarchive_eoo2007_1d.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

³ Ночным камланием на священной горе открылся Второй международный симпозиум по шаманству [Электронный ресурс] // ИА «Туваонлайн». 2003, 11 августа. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2003/08/11/second-symposium.html> (дата обращения: 15.10.2024).

нейшем использовать полученные данные и апробированные принципы для развития академической базы тувиноведения.

Методы и материалы исследования

Проведенный анализ опубликованных исследований западных ученых основывался на теоретико-методологических принципах функциональной стилистики, требующих изучения текста в системной речевой организации с учетом экстралингвистических факторов научной коммуникации (Баженова, 2018: 54). Посредством когнитивно-дискурсивного подхода в варианте авторизационной модели научного текста были выявлены речевые единицы, ответственные за хранение, переработку и репрезентацию научного знания в виде авторской концепции, обусловленной картиной мира исследователя. Текст рассматривался как эвристическая величина, коммуникационный акт, обусловленный мотивами, целями и ожидаемыми результатами познавательной деятельности (Гричин, 2020). Выделенный аксиологический аспект эпистемологической ситуации указывал на оценочную квалификацию, отражающую «критичность научного мышления, способность и готовность субъекта к самоконтролю над процедурами получения нового знания» (Чернявская, 2017: 69). В процессе типологизации были определены сходства и отличия представленных научных концепций западных авторов, сформулировано содержание научных направлений исследований религиозной ситуации в Туве XXI в. Историко-религиоведческий подход позволил соотносить адекватность приведенных данных с современным религиозным положением, принципами религиоведения и исторической науки. В основе последовательности описания выявленных направлений находился хронологический принцип.

Рассмотренные нами тексты были представлены научными работами (энциклопедиями, статьями, монографиями и диссертациями), изданными преимущественно на английском языке, а также отдельными трудами — на французском в первой четверти XXI в. Все они выполнены учеными — религиоведами, историками, этномузыковедами, культурными антропологами и социологами.

Обзорные работы религиозной ситуации

С начала бурного роста многообразия религиозного опыта и увеличения численности религиозных объединений в России исследователей всего мира интересовала специфика постсоветского пространства, сочетающая наследие атеистического прошлого и свободу вероисповедания настоящего. Республика Тыва, ранее почти не исследованная западными учеными по причине недоступности посещения ими данного региона, стала новым полем для изучения.

В рамках совместного проекта российских и западных ученых «Энциклопедия современной религиозной жизни России» (1997–2004) под руководством Кестонского университета (Великобритания) были изданы результаты исследований под редакцией английского священника М. Бурдо и отечественного исследователя С. Филатова (Атлас современной ... , 2005; Современная религиозная ... , 2005, 2006; и др.).

В первом томе «Атласа современной религиозной жизни России» приводится анализ материала, собранного С. Филатовым, Ф. Уолтерсом, Л. Воронцовой, Р. Лункиным и посвященного историческим особенностям религии в Туве, религиозной политике, краткому экскурсу религиозных объединений (христианство различных направлений, буддизм) (Атлас современной ... , 2005: 307–321). О ситуации, связанной с возрождением, укреплением и распространением шаманизма авторы писали следующее: «На 2004 г. в республике официально действует семь шаманских объединений» (там же: 321). Что касается буддизма, то авторы связывают возрождение буддизма с очередной волной национального движения 1980-х гг., позиционируемого консолидирующей силой тувинского общества. Ими характеризуется специфика тувинского буддизма: а) первенство школы *гелуг* при наличии иных философско-религиозных школ и б) близкая связь с местными традициями шаманизма (культами *оваа* и *эренов*) (Современная религиозная ... , 2005: 276–286). Авторами рассматриваются институализация шаманизма, роль в этом процессе М. Кенин-Лопсана и отмечается, что Тува сохранила традиции по причине изолированности от других регионов, получая больше самоуправления от Китая и СССР. Тем не менее авторы подчеркивают значение буддизма, обеспечившего сохранение самобытности и продолжение культурного и исторического развития (Современная религиозная ... , 2006: 129–134).

Обзорному рассмотрению истории религии в Туве посвящена работа британского исследователя Ф. Уолтерса (Walters, 2001). В ней охарактеризована динамика религиозной жизни, начиная с XIII в. и заканчивая концом XX в., основной акцент сделан на изменениях государственной политики в указанной сфере. В исследовании подчеркнута озабоченность буддийских и шаманских организаций по поводу распространения протестантских церквей среди тувинского населения, которое наблюдалось в конце XX в. (там же: 38). Приведенные данные использовались нидерландским антропологом Э. Поппе, чей интерес был обращен к межгрупповым отношениям тувинцев и русских (Porre, 2007). Он подчеркнул, во-первых, существование двуязычия как результата русификации в советское время, во-вторых, симбиоз шаманизма и тибетского буддизма, который, по его мнению, представляет значимый маркер идентичности (там же: 329).

Сравнительный анализ противоречий буддийских верований и шаманизма применительно к современной религиозной ситуации Тувы был предпринят американским социальным антропологом Б. Донахо (Donahoe, 2004). Исследователь подчеркивает особое отношение тувинцев к природе, отмечает противоречие между буддийским верованием, которое ближе к атеистическому мировоззрению и игнорирует праксиологическую сторону оленеводства и охоты (отсутствие предписаний), и шаманизмом как вариации анимизма (наличие жестких требований в отношениях с окружающим миром). Анимистические практики, как пишет автор, в большей мере отражают систему верований тувинцев, основывающуюся на молчаливом усвоении бытия и убежденности в проявлении духовного мира в природе¹. Обоснование ключевого значения анимистических практик осуществляется в рамках исследования влияния окружающей среды на личностные особенности, которая формирует, по мнению автора, не только уникальную национальную идентичность, но и претензии на суверенитет над природными ресурсами.

Наличие христианства в Туве западными исследователями связывалось с присутствием русскоязычного населения, в частности с существованием старообрядческих общин. Так, американский филолог Т. Моррис совместно с российским коллегой в период 2016–2018 гг. проводила среди последователей часовенного согласия старообрядчества сбор материалов, относящихся к визуально-текстовой агиографии (Костров, Моррис, 2019).

Интерес западных исследователей, активно проводивших с 1990-х гг. полевые работы на территории Тувы, преимущественно сводился к автохтонным религиям тувинского населения. Основными направлениями научных изысканий можно обозначить следующие: исследования шаманизма и шаманистско-буддийского синтеза (или своеобразного мировоззренческого синкретизма). Исследования буддизма преимущественно проводились применительно к его взаимосвязи с шаманизмом на повседневном, культурном и институциональном уровнях. В работах значительное внимание уделялось вероучительной специфике (тибетский буддизм, школа *гелуг*) и отношениям с государственной властью.

Исследования шаманизма

Одними из первых исследователей возрождения шаманизма были Е. Дж. Фридман — американский психотерапевт и антрополог, которая изучала с 1996 по 2002 гг. трансформацию ритуальных практик и влияние политических факторов на количество и организацию шаманских объединений среди народов Калмыкии, Тувы и Бурятии, а также М. Н. Уолтер — английский исследователь, религиовед, директор Ассоциации изучения центральноазиатских цивилизаций и шелкового пути (*Shamanism: an encyclopedia ...*, 2004). Полученные результаты популяризировались при поддержке организации «Cultural Survival», базирующейся в г. Кембридже, штат Массачусетс (США). Организация выступает с 1972 г. за права коренных народов и поддерживает самоопределение, культуру и политическую устойчивость этнических общин.

Е. Дж. Фридман сравнивала дореволюционные шаманские практики и современное направление (нео)шаманизма, акцентируя внимание на институционализированности и организованности последнего. Она подчеркивала значимость шаманизма как неотъемлемой духовной динамично существующей

---

¹ Donahoe D., Halemba A. Local Perspectives on Hunting and Poaching / Research report for WWF Russia Altai-Saiana Ecoregion. 2008. [Электронный ресурс] // Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/1077299/Local_perspectives_on_hunting_and_poaching (дата обращения: 15.10.2024)

твующей силы, которая постоянно развивается. В постсоветский период именно шаманизм вернул местным жителям ритуальные практики и целительство (там же: 637–642).

Целительство представлено как основная традиционная сфера деятельности шамана, связанная с устной передачей знания, родством и местностью. Однако согласно предъявляемым требованиям к членам общества тувинских шаманов «Дунгур», шаману необходимо получить соответствующее разрешение. По мнению автора, данная процедура во многом похожа на лицензирование медицинских профессий в США (Fridman, 2004). Данная работа была встречена западным научным сообществом с определенной долей критики. Недостатками работы указывались слабое знание тувинского языка автором и некомпетентность в вопросах буддизма (Wallace, 2006).

Продолжение исследований институализации шаманизма на рубеже XX–XXI вв. и возникновения неошаманизма, специализирующегося на целительстве в городской местности, отмечается в работах антрополога Стокгольмского университета (Швеция) Г. Линдквист (Lindquist, 2005). Шаманизм представляется постмодернистским религиозным движением, реализуемым в рамках международного тренда формирования традиционного наследия идентичности в постколониальном контексте (там же: 263). Автор в совместной работе с коллегой из Еврейского университета г. Иерусалим Д. Хандельманом развивает тезисы об использовании религии в локальных играх за власть в постсоветской Туве и о большей перспективе буддизма стать республиканской религией (*state religion*) в сравнении с шаманизмом. С одной стороны, тибетский буддизм отображает культуру тувинского этноса и формирует этническую идентичность, репрезентирует Туву в виде конструкции буддийской ступы, а с другой — обеспечивает внутренним социальным устройством, сопоставимым с онтологическими принципами иерархичности и вертикализации, целостности и стабильности. Тувинский шаманизм же представляет «космос», простирающийся во все стороны по ландшафту, в котором разные существа пребывают в разных местах, а целостность поддерживается интерактивностью, внутренней активностью самого шамана (Handelman, Lindquist, 2011: 11).

В рамках исследования культурной специфики постсоветского пространства на примере южно-сибирских территорий британский антрополог К. Хамфри отмечает методологическую дилемму, вызванную рассмотрением социализма как своеобразной культуры со специфическими практиками и идентичностями (Хамфри, 2010). Кризис постсоветской России объясняется методами этнографии, антропологии, истории и экономики. Востребованность шаманских практик раскрывается желанием тувинцев снять социальное напряжение, преодолеть социальный нигилизм, разочарования и душевную пустоту нетрадиционного для них образа жизни. Автор отмечает, что в результате неослабевающего спроса на услуги шаманов шаманизм приобретает черты коммерческой деятельности (там же: 371–372).

Тема темной стороны шаманизма — проклятий как выражения социокультурной жизни постсоветского населения Тувы — является оригинальным взглядом греческого антрополога К. Зорбаса в попытке объяснить механизмы борьбы с социально-экономическим разочарованием и ненадежностью 1990-х гг. (Zorbas, 2021). Ритуальные практики накладывания проклятий с привлечением шаманов существовали и в досоветский период. Они были связаны с религиозными нарушениями, но, актуализировавшись в постсоветском пространстве, изменили контекст с межгруппового на межличностный, фрагментированный конфликт. Причины автор находит в психологической напряженности современных жителей, индивидуализации своего успеха и/или несчастья, моральной пустоте после распада СССР, ценностном кризисе. В результате трансформационного опыта в шаманской практике клиент убеждается в наличии мощного проклятия от конкурента, против которого будет вынесено встречное проклятие — логика возмездия. Применительно к практике проклятий подробно характеризуются ритуалы (гадание, очищение, проводы умершего, целительство). Значимой идеей представлена роль шаманов в постсоветском пространстве как онтологического правительства (там же: 33). Рецензентами книги Ч. Ламажаа и У. Бахтикиреевой справедливо было добавлено, что в период кризиса социальных трансформаций шаманские практики представляются актуализацией архаичных культурных практик, вызванной отказом от прежних ценностей и возврату к традициям предков (Ламажаа, Бахтикиреева, 2022).

В рамках когнитивного подхода тема проклятий в шаманизме продолжается шотландским социальным антропологом М. Стельмажик (Stelmaszyk, 2018). Ее работы посвящены прагматическому отношению к шаманским практикам со стороны клиентов (как форме ведения домашнего хозяйства)

и феномену проклятия в контексте неопределенности (турбулентности) социально-экономического положения местного населения. Межличностный конфликт в постсоветском пространстве Тувы, как пишет автор, выражается в проклятиях, отражающих социальную напряженность между людьми и духами, что приводит к социокосмической драме. Проклятие в целом представляется формой выражения беспокойства духами своих жертв, провоцирующего ощущение турбулентности, неразберихи, депривацию и непредсказуемое поведение. Следовательно, негативные состояния здоровья воспринимаются через призму наложенных проклятий, как следствие более широкой социокосмической политики, в которую вовлечены люди и духи (там же: 49–51, 117). Целительство становится противодействием наложенным другими шаманами проклятиям. Автором предложена оригинальная версия роли звука как результата взаимодействия между людьми и сверхъестественными агентами, проявляющегося в нелингвистической вокализации. Посредством звуков (горловое пение, бубен) шаман организует встречу с духами, ретранслирует переживания клиента в иной мир для их разрешения.

Помимо когнитивного аспекта шаманских практик М. Стельмажик характеризует современное противостояние между институциональным тувинским шаманизмом и индивидуалистами-практиками, заключающееся в организации профессиональной деятельности, содержании и способах ритуалов, отношении к клиентам. В шаманских организациях преобладает работа на зрителя (транс, мистицизм, потеря сознания), а у индивидуалистов — помощь клиенту, разрешение причин и снятие ощущения турбулентности (Stelmaszyk, 2022). Достоинством данной работы отметим попытку проанализировать внутриличностное отношение тувинцев к постсоветской реальности, на которое накладываются традиционные онтологические категории и механизмы разрешения проблем преимущественно при помощи шаманов.

Особый интерес западных этномузыковедов вызывает самобытная музыкальная традиция тувинцев, включающая эпическое повествование и уникальный фольклор, одновременно связанная с шаманскими практиками. При работе с фольклором тувинцев западные исследователи в той или иной степени обращались к личности и трудам М. Кенин-Лопсана. Причинами можно назвать его популярность на Западе, полученное от американского «Фонда шаманских исследований» звание «Живое сокровище шаманизма» в 1994 г. и научно-исследовательскую деятельность. Британский филолог П. Брамвел занимался сбором литературных произведений (мифов, легенд), фольклора со всего мира и сопоставлением их с научными данными (Bramwel, 2009). В его труде отмечается гендерная нейтральность тувинского шаманизма и приводится подробный анализ некоторых шаманских песнопений, которые основываются на ритмико-синтаксическом параллелизме и представляют собой рассказ шамана о своих действиях и впечатлениях. Повествовательный синтаксис шаманских текстов, включающий пролог, экспозицию, сюжет, авторское отступление, кульминацию, развязку и пролог, он рассмотрел на высказываниях М. Кенин-Лопсана (там же: 116–117). Автором приводятся эмпирические данные, архивные документы ровно в той мере, которая необходима для его обзорной работы.

Американский этномузыковед Т. Левин, цитируя М. Кенин-Лопсана и демонстрируя видеоклипы, аудиозаписи, утверждает миметическую природу воспроизведения звуков природы тувинскими музыкантами (Levin, 2020). Он справедливо отмечает стремление тувинцев к налаживанию глобальных, международных связей при сохранении силы и остроты своих музыкальных традиций. Отдельного внимания заслуживает большой вклад исследователя в популяризаторскую деятельность в области продвижения тувинской музыки как классики мировой музыки: сбор материала, записи и размещение их на музыкальных интернет-платформах, продажа аудиозаписей; выступления на международных этномузыкальных симпозиумах. Благодаря ему тувинская музыка стала частью, как отмечает М. Шапошников, мирового рынка World Music (Шапошников, 2017).

Значимой академической работой в этномузыковедении последних лет является книга британского этномузыковеда К. Пегг, исследовавшей более 20 лет музыку на Алтае, в Хакасии и Туве (Pegg, 2024). Она утверждает, что звуковые ландшафты вдохновлены горно-степной экологией, традициями кочевников, чувством своего места и создаются посредством перформативных речевых практик. Они не ограничиваются ни политическими границами, ни земными, т. к. согласно шаманско-анимистической картине мира наравне с людьми существуют и иные духовные акторы. Музыка представляется коммуникацией с миром духов, воплощением самости и онтологической демонстрацией. Местное население стремится к досоветскому наследию, для которого характерны межплеменная и клановая

демаркация, родственные связи с духами. Современные шаманы опираются на традиции, но адаптируют их к своим процессам инициации и институализированного шаманизма, используя различные вокализации и ударные звуки. Значимым предположением является объяснение сохранения алтая-саянского эпического наследия в советский период благодаря его секуляризации как эпического искусства и превращению в концертную программу (там же: 189–215).

Исследователями-этномузыковедами, работающими в направлении сбора и анализа фольклора населения Тувы, подчеркивается анимистическая составляющая культуры тувинцев, выражающаяся в как религиозных, так и повседневных песнопениях. Тем самым объясняется вокальная специфика, вобравшая в себя географию, климат и природу Тувы. Однако нередко шаманские песни рассматриваются в отрыве от совершаемых ритуальных действий, контекста их воспроизводства, повода, места и аудитории.

Востребованность когнитивного религиоведения для изучения религиозной ситуации и понимания природы религиозного мышления продемонстрировали некоторые современные западные исследователи Тувы. Шаманизм представляется последовательным набором репрезентативных схем и реляционных устройств, которые способствуют разделению социума на мирян и лиц, обладающих врожденными особенностями, коммуницирующих со сверхъестественными агентами (шаманы). Канадский исследователь К. Ван Дьюзен указывает, что шаманская традиция есть функциональное, адаптивное мировоззрение местного населения (Van Deusen, 2004). Оно сохранилось в качестве параллельной, неофициальной системы в условиях промышленного развития и государственного (российского) регулирования. Шаманизм конструирует миры и обеспечивает успешное исцеление (физическое и психическое), а посредством шаманского пения осуществляется межонтологическая связь и адаптация к городским условиям (там же).

Французский антрополог Ч. Степановф предлагает методологию, включающую когнитивный и прагматический подходы при учете этнографических и исторических данных, которая позволит объяснить устойчивость феномена тувинского шаманизма (Stepanoff, 2018). Непрерывность развития тувинского шаманизма, по его мнению, основывается на сочетании а) эссенциалистической концепции уникальности шамана, постоянном воспроизводстве шаманов; б) логики взаимоотношений (открытое тело–шаман + закрытое тело–клиент + сверхъестественные акторы), требующей ритуализованного владения бубном и костюмом, что позволяет дублировать повседневную реальность в мир духов. Шаман позиционируется как лицо, пользующееся монополией на определенные ритуальные действия в силу присущих ему врожденных и неизменных способностей, которые проявляются в физических свойствах. Он отделен от социума по причине признания его отношений с духами, «пористости тела», обеспечивающей соединения потоков сил, видимой и невидимой частей бытия. В ритуальных действиях проявляется уникальность физических свойств конкретного шамана (там же: 324). В качестве недостатка работы можно отметить игнорирование повседневной жизни шамана и его взаимодействие с людьми вне ритуальных действий. На наш взгляд, рассмотрение становления модели мышления шамана, его перехода из мирян (инициация) и отношение к самому себе обогатило бы новыми данными научное сообщество, культурную антропологию и религиоведение.

Объяснение шаманизма как теоретической и географической категории, свойственной многочисленным этническим культурам по всему миру, предпринял американский историк религии Т. Михаэль (Michael, 2015). В содержание понятия шаманизма включаются представления о предписаниях, собственной культурной специфике, верованиях и сеансах, являющихся общими для ряда культур и заключающихся в прямом общении между людьми и бестелесными существами на благо социума. На содержание сеансов влияет географическое расположение, которое обуславливает индивидуальность совершаемых действий. В шаманизме демонстрируется отношение социума к сверхъестественным агентам, коммуникации с ними и соответствующим событиям, которое опредмечивается в эпическом виде (там же: 12–13).

Согласно исследованиям просоциального поведения и моральности местного населения Тувы, проведенным датским культурным антропологом Б. Пуржицким, специализирующимся на когнитивном, эволюционном и этнографическом изучении религии, установлено наличие межличностного социального поведения как неотъемлемого контекста религиозного познания вне зависимости от религиозной традиции (сравнение авраамических религий и местных верований) (Purzyski, 2013). Автор пришел к выводу о том, что ритуальные практики любой религиозной системы минимизируют антисоциальное поведение даже в том случае, когда в верованиях не регламентируются моральные

вопросы, утверждаются отсутствие явного интереса и безразличие сверхъестественных агентов к ним. Причиной такого феномена называются скрытые когнитивные процессы, ответственные за моральное поведение, — моральный компонент религиозного сознания (Purzycki, 2016). Также автором совместно с В. Кулундари было выявлено, что вопреки теории усиления просоциальности на основе общей религиозной идентичности в Туве местные верования и буддизм способствуют фаворитизму к своим единоверцам из местной общины, но не справедливости к единоверцам в иных территориях в угоду этнической принадлежности (Purzycki, Kulundary, 2018). Религия Тувы представляется сложной синкретической системой, включающей анимизм, тотемизм, шаманизм и буддизм. Наблюдаемые различия в верованиях местного населения объясняются спецификой местности и экологическими условиями. Достоинством данной работы, на наш взгляд, является разграничение духов на зооморфных и антропоморфных по критерию привязки к ландшафту. Первые относятся к глобальным объектам: рекам, деревьям, озерам, а вторые несут локальное значение для определенных семей (холм, ручей, камень).

Противоположная позиция представлена в работе норвежско-нидерландского религиоведа У. Кристерсена, подчеркивающего локальность тувинского шаманизма, тесно переплетенного с осознанием тувинцами окружающего ландшафта и родственных структур¹. Жизнь человека связывается со сверхъестественными агентами и природой прошлого и настоящего, переплетается с местным ландшафтом. Управление человеческой жизнью осуществляется посредством ритуального взаимодействия с духами, природными существами. Шаманскими практиками обеспечивается гибкость и стабильность социума, реализуется диалектика микро и макрокосмических символов, а с помощью космологических символов переосмысливается ландшафт как значимое, священное место (там же).

Предпринятые попытки исследования тувинского шаманизма в рамках когнитивного подхода продолжают в тенденциях современного религиоведения и развития наук о сознании и мышлении. Включение географического контекста как одного из ключевых определяющих мировоззрение элементов безусловно является новым и эффективным методологическим приемом. Фиксируемое многообразие религиозного опыта внутри одной религиозной традиции (шаманизм), сконцентрированное на географически ограниченной территории Тувы и взаимосвязанное с тибетским буддизмом, анимистическими верованиями, предоставляет неиссякаемый источник для научной работы в области как культурной антропологии, так и междисциплинарных исследований.

В каждой антропологической, этномузыковедческой, когнитивно-религиоведческой работе, посвященной исследованию шаманизма в Туве, представлено подробное описание наблюдаемых шаманских практик, а также фиксируется институализация шаманизма, осуществляемая в соответствии с российским законодательством. Оформление шаманских организаций определяется как специфическая черта возрождения шаманизма в постсоветском пространстве, при которой шаманы относятся к исполнению ритуальных практик как к профессиональным обязанностям. Сбор и анализ эмпирических данных преимущественно учеными осуществлялся в рамках интерпретативной антропологии, в частности методами насыщенного наблюдения, систематизации данных и формулировании выводов с учетом специфики объекта исследования.

Исследования шаманистско-буддийского синтеза, мировоззренческого синкретизма

Многовековое сосуществование шаманских практик и буддийского вероучения на территории Тувы привело к возникновению синкретического мировоззрения у населения, которое обращается к обеим религиозным традициям в зависимости от предмета их беспокойства и возникших потребностей. Сложившиеся в досоветский период различия в области содержания ритуальных практик и институализации деятельности в постсоветском пространстве стали менее выраженными, что способствовало возникновению конкуренции между шаманскими организациями и буддийским духовенством.

¹ Kristensen W. B. The Landscape of Knowledge. A Discussion of the Construction of Shamanistic Knowledge among Rural and Urban Tuvans. 2002. [Электронный ресурс] // AnthroBase. URL: http://www.anthrobase.com/Txt/K/Kristensen_B_01.htm (дата обращения: 15.10.2024).

Специфика исторически сложившегося тесного взаимодействия как на повседневном, культурном, так и институциональном уровнях между шаманизмом и буддизмом находила отражение в фольклоре. После успешной защиты диссертации в 2000 г. американско-канадский лингвист Д. Харрисон¹ продолжил свое исследование устной традиции тувинцев (Harrison, 2005). Он отмечает анимистический характер их духовной культуры, который выражается в убежденности присутствия земных духов, обитающих в значимых топографических объектах (пещеры, родники) и животных (медведь). Тувинская космология включает большое количество сверхъестественных существ нижнего и верхнего миров. Шаманизм интерпретируется вдохновляющими практиками и традиционным сопровождением анимистического мировоззрения. Добуддийские элементы космологии наряду с шаманскими песнями и иными священными текстами выступают первоисточниками знаний о системе верований. По мнению исследователя, современной проблемой является упадок эпического повествования в сравнении с шаманскими песнями и буддийскими молитвами по причине увлечения местной молодежи поп-культурой, в частности популяризации горлового пения (там же: 3).

Распространенность в повседневной жизни населения постсоветской Тувы ритуальных практик обеих религиозных традиций и практика обращения за помощью и к шаманам, и к буддийскому духовенству позволяет говорить о наличии мировоззренческого синкретизма. Трансформациям религиозной жизни тувинцев, выражающимся в возрождении шаманизма и тибетского буддизма (школы *гелуг*), после разрушения советского варианта буддизма и маргинализации шаманизма посвящены труды антрополога из Парижского университета Нантер (Франция) К. Пименовой².

Шаманизм и буддизм рассматриваются автором как два отдельных, но взаимосвязанных объекта, каждый из которых сталкивается с императивами построения религиозной власти, восстановлением и использованием утраченных ритуальных знаний. Тем не менее, основная часть работы К. Пименовой была посвящена более популярной в западной аудитории теме шаманизма. Автор разработала карту преемственности тувинского шаманизма и зафиксировала устную традицию о шаманах, духах, священных местах и воспоминания о буддийском духовенстве³.

Она приводит двухуровневый анализ шаманизма. На первом выделяется социология религиозных организаций, результатами которого стало определение специфики институализации. С одной стороны — организация взаимоотношений между исторически новыми субъектами (шаманами и буддийским духовенством), а с другой — взаимодействие с местными политическими кругами и международными нешаманскими и буддийскими организациями. К. Пименова выделяет два типа шаманизма, которые совместно структурируют современный религиозный ландшафт, процедурно и содержательно различаются по обучению и инициации:

1) постсоветский тувинский шаманизм имеет локальный характер, стремится к возрождению местных религиозных традиций. Его спецификой обозначены наследственная преемственность знаний и практик, направленность ритуалов на помощь клиенту, разделение на шаманов и мирян;

2) основной шаманизм — городской — возникает в результате международного сотрудничества, в частности с Фондом шаманских исследований, характеризуется смешением, деконтекстуализацией и отсылками к духовным движениям Запада. Городским шаманизмом продвигаются широкая доступность и открытость шаманского опыта, эклектичность ритуальных практик, а прошлое и настоящее переосмысливаются в контексте взаимодействия с аудиторией (Pimenova, 2013).

Второй уровень представленного анализа относится к социологии идентичности и ритуальных практик. Основными проблемами шаманизма и буддизма обозначаются: а) необходимость восполнения пробелов в религиозных знаниях; б) утверждение преемственности с прошлым и в) адаптация к новому политическому и культурному контексту⁴. В (нео)шаманизме, который исторически несовместим с государством, создается сеть иерархично зависимых местных организаций и изменяются

¹ Harrison K. D. Topics in Phonology and Morphology of Tuvan [Электронный ресурс] // Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the Doctor of Philosophy in Linguistics. Yale University. September 1, 2000 URL: <https://vinspace.edu.vn/bitstream/handle/VIN/15/Harrison-Dissertation.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 14.10.2024).

² Pimenova K. Les sources de savoirs. Le renouveau du bouddhisme et du chamanisme chez les Touvas de la Sibérie du Sud / These de doctorat en sociologie, soutenue à l'École des hautes études en sciences sociales, le 13 septembre 2012.

³ Там же. С. 645–663.

⁴ Там же. С. 668–669.

практики, вводятся новые категории из политики и права. В результате этого формируются основы коллективной идентичности шаманов как новой профессиональной корпорации и новое общественное измерение шаманизма (Pimenova, 2013). В буддизме возрождение и импорт религиозных знаний приводит к дестабилизации местной религиозной власти и распаду ранее сложившегося сообщества последователей.

Немецкий социальный антрополог А. Ольшлегель предлагает методологию исследования религиозной ситуации, сочетающую феноменологический подход и социальный конструктивизм (теорию множественности интерпретации миров) (Oelschlaegel, 2016). С помощью данной методологии были выявлены следующие модели интерпретации мира современными тувинцами. Первая — модель доминирования. Она отражает отношение человека к окружающему миру как совокупности неодушевленных объектов, является результатом русского влияния в регионе. Вторая — модель взаимодействия — представляется традиционной анимистическо-шаманской картиной мира, в которой человек сосуществует с различными акторами (боги, духи, объекты природы). В третьей модели реализуется специфическая тувинская ламаистская картина мира тибетского образца, используемая в повседневной практике. Применительно к конкретному событию с учетом социокультурного и политического контекста человек совершает выбор в пользу той или иной модели, регулярно балансируя между ними в своей жизнедеятельности (там же: 201–203). Автор довольно успешно систематизировала повседневный религиозный опыт местного населения, учла необходимость ориентации тувинцев на политическую и социальную обстановку, культурные тенденции возрождения традиции и международное влияние.

Представленные результаты компаративистских исследований свидетельствуют о трансформации взаимоотношений между представителями шаманских практик, ставших в постсоветском религиозном пространстве официальными лицами, и буддийским духовенством. Однако отметим, что это не приводит к межрелигиозным конфликтам в Туве, в отличие от иных территорий Южной Сибири (напр., в Республике Алтай). Для большинства тувинцев сложившаяся ситуация способствует росту синкретизма религиозного опыта и расширению клиентоориентированных ритуальных практик.

Заключение

Проведенный анализ показал, что религиозная ситуация в постсоветской Туве оказалась в числе тем, привлекательных для западных исследователей. Несмотря на то, что традиционными религиями Тувы являются шаманизм, буддизм и православие, можно сказать, что западных исследователей интересуют преимущественно автохтонные религии, связанные с традициями тувинцев, а не всех жителей республики. Ими подчеркивалось, что столь оригинальная религиозная ситуация в постсоветской Туве сформировалась под воздействием таких факторов, как географический ландшафт, политический опыт автономности и самостоятельности, хозяйственные виды деятельности (оленоводство, охота, кочевое скотоводство), тесное взаимодействие с природой и духовное богатство, обеспеченное местными шаманскими практиками и принадлежностью к буддизму как мировой религии. Западные антропологи, религиоведы, этномузыковеды и филологи сделали акцент не только на уникальности исторически сложившегося сосуществования шаманизма и буддизма, особенно ярко проявившегося в постсоветское время, но и на предпринятых в тувинском обществе способах сохранения и возрождения религиозных традиций.

Западными авторами были проанализированы внутрирелигиозные и религиозно-государственные процессы, рассмотрены модели мышления и поведения тувинцев которые в постсоветских условиях жизни деятельностно ориентируются на сочетание возрождаемых религиозных практик (шаманизма, буддизма). Специфика кросс-культурной повторяемости определялась через авторские интерпретации ритуальных практик и выявление устойчивости религиозных убеждений, обусловленных этнической идентичностью, ландшафтом и ощущением социокосмической драмы.

Безусловной ценностью рассмотренных трудов западных ученых является эмпирический материал, полученный в полевой работе: наблюдение за совершением шаманских практик, непосредственное участие в них, опросы шаманов и мирян, сопоставление содержания и используемых техник с клиентскими запросами и мировыми ритуальными действиями. Своеобразным правилом западной антропологической науки стало исследование образа тувинской жизни, включающее обязательное изучение тувинского языка и коммуникацию с местным населением на его языке. В то же время дан-

ное обстоятельство подчеркивает и ограниченность их научных проектов по проблемам религиозной ситуации, как основанных лишь на результатах полевой практики.

Сложно назвать западные исследования законченными, точнее будет сказать, что в западной науке продолжается процесс накопления репрезентативного научного и фактического материала по данной теме. Тем не менее, очевидно, что проведенные исследования открывают перспективу дальнейших исследований проблемы в рамках новых культурно-антропологических подходов, которые позволят комплексно объяснить религиозную ситуацию по всей Южной Сибири, а также экстраполировать успешный опыт межрелигиозного взаимодействия Тувы на другие полирелигиозные территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атлас современной религиозной жизни России (2005) : в 3 т. / отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. М. : СПб. : Летний сад. Т. I. 621 с.

Баженова, Е. А. (2018) Современные подходы к изучению научного текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 2(191). С. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-2-54-60>

Гричин, С. В. (2020) Авторизационная модель научного текста. Новосибирск : Изд-во НГТУ. 292 с.

Костров, А. В., Моррис, Т. Б. (2019) Визуально-текстовая агиография в настенных листах современных старообрядцев часовенного согласия // Новые исследования Тувы. № 1. С. 95–107. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.7>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Ламажаа, Ч. К., Бахтикиреева, У. М. (2022) «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе // Новые исследования Тувы. № 1. С. 266–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>

Монгуш, М. В. (2010) Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 203–237.

Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания (2005) : в 4 т. / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М. : Логос. Т. III. 464 с.

Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. (2006) в 4 т. / отв. ред. М.: Бурдо, С. Филатов. М. : Университетская книга ; Логос. Т. IV. 366 с.

Хамфри, К. (2010) Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки); предисл. Б. Базаров; пер. с англ. А. и Н. Космарских; науч. ред. пер. Н. Космарской. М. : Наталис. 384 с.

Харитоновна, В. И. (2018) Тувинский (нео)шаманизм как культовая и целительная практика в современном мире // Новые исследования Тувы. № 4. С. 47–76. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>

Чернявская, В. Е. (2017) Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М. : ЛЕНАНД. 144 с.

Шапошников, М. (2017) Тувинская музыка и World Music // Новые исследования Тувы. № 2. С. 122–141. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.2.5>

Bramwel, P. (2009) Pagan Themes in Modern Children's Fiction: Green Man, Shamanism, Earth Mysteries. Palgrave Macmillan. 224 p.

Donahoe, B. (2004) A line in the Sayans: history and divergent perceptions of property among the Tozhu and Tofa of South Siberia. Bloomington : Indiana University. 606 p.

Fridman, E. (2004) Sacred Geography: Shamanism Among The Buddhist Peoples Of Russia. Budapest : Akademiai Kiado. 324 p.

Handelman, L., Lindquist, G. (2011) Religion, Politics, and Globalization: The Long Past Foregrounding the Short Present — Prologue and Introduction // Religion, Politics, and Globalization: Anthropological Approaches. N.-Y. : Berghahn. 316 p. P. 1–66.

Harrison, D. (2005) A Tuvan Hero Tale, With Commentary, Morphemic Analysis, And Translation // Journal Of The American Oriental Society. Vol. 125. Issue 1. P. 1–30.

Levin, T. (2010) Where Rivers and Mountains Sing: Sound, Music, and Nomadism in Tuva and Beyond. Indiana University Press. 312 p.

Lindquist, G. (2005) Healers, Leaders and Entrepreneurs: Shamanic Revival in Southern Siberia // Culture and Religion. Vol. 6. P. 263–285. DOI: <https://doi.org/10.1080/01438300500226430>

Michael, T. (2015) Shamanism Theory and the Early Chinese Wu // Journal of the American Academy of Religion. Vol. 83 (3). P. 649–696. DOI: <https://doi.org/10.1093/jaarel/lfv034>

- Oelschlaegel, A. (2016) *Plural Word Interpretations. The case of the South-Siberian Tyvins*. Berlin : LIT Verlag. 266 p.
- Pegg, C. (2024) *Drones, Tones, and Timbres: Sounding Place among Nomads of the Inner Asian Mountain-Steppes*. University of Illinois Press. 360 p.
- Pimenova, K. (2013) *Lorsque les esprits voyagent. Echanges entre le chamanisme touva et le core shamanism dans la Russie postsoviétique // Civilisations*. Vol. 61–2. P. 89–105. DOI: <https://doi.org/10.4000/civilisations.3263>
- Pimenova, K. (2013) *The «Vertical of Shamanic Power»: The Use of Political Discourse in Post-Soviet Tuvan Shamanism // Laboratorium*. Vol. 5 (1). P. 118–140.
- Poppe, E. (2007) *A hotspot of intergroup relations: Russians and Tuvans in Tuva // E. Poppe & M. Verkuyten (Eds.) Culture and Conflict: Liber Amicorum for Louk Hagendoorn*. Amsterdam : Aksant. 367 p. P. 325–334.
- Purzycki, B. (2013) *The minds of gods: a comparative study of supernatural agency // Cognition*. Vol. 129. Issue 1. P. 163–179. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2013.06.010>
- Purzycki, B. (2016) *The Evolution of Gods' Minds in the Tyva Republic // Current Anthropology*. Vol. 57 (s 13). P. 88–104. DOI: <https://doi.org/10.1086/685729>
- Purzycki, B., Kulundary, V. (2018) *Buddhism, identity, and class: fairness and favoritism in the Tyva Republic // Religion, Brain & Behavior*. Vol. 8:2. P. 205–226. DOI: <https://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267031>
- Roe, P. (2021) *Societal Security // Contemporary Security Studies / ed. by A. Collins*. Oxford University press. 524 p. P. 221–235.
- Shamanism: an encyclopedia of world beliefs, practices, and culture (2004) / ed. by M. N. Walter, E. J. Fridman*. Santa Barbara: Manufactured in the United States of America. 1055 p.
- Stelmaszyk, M. (2018) *Turbulent beings. Curses and systems of healing cooperation in post-Soviet Tuva // Curare, Journal of Medical Anthropology*. Vol. 41 (1+2). P. 51–62.
- Stelmaszyk, M. (2022) *Shamanism in Siberia Sound and Turbulence in Cursing Practices in Tuva*. London : Routledge. 162 p.
- Stepanoff, Ch. (2018) *Chamanisme, rituel et cognition: Chez les Touvas de Sibérie du Sud*. Éditions de la Maison des sciences de l'homme. 416 p.
- Van Deusen, K. (2004) *Singing story, Healing Drum: Shamans and Storytellers of Turkic Siberia*. Montreal : McGill-Queen's University Press. 205 p.
- Wallace, V. (2006) *Eva Jane Fridman, Sacred Geography: Shamanism Among The Buddhist Peoples Of Russia*. Bibliotheca Shamanistica // *Religion*. Vol. 36. P 55–57.
- Walters, Ph. (2001) *Religion in Tuva: Restoration or Innovation? // Religion, State and Society*. Vol. 29. № 1. P. 23–38.
- Zorbas, K. (2021) *Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives*. Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Дата поступления: 05.10.2024 г.

Дата принятия: 30.10.2025 г.

REFERENCES

- Atlas of Contemporary Religious Life in Russia (2005) : in 3 vols. / ed. by M. Burdo, S. B. Filatov*. Moscow, St. Petersburg, Letniy Sad. Vol. I. 621 p. (In Russ.)
- Bazhenova, E. A. (2018) *Modern Approaches to the Study of Scientific Text. Vestnik of Tomsk State Pedagogical University*. no. 2(191), pp. 54–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-2-54-60>
- Grichin, S. V. (2020) *Authorization Model of Scientific Text*. Novosibirsk, NGTU Publishing. 292 p. (In Russ.)
- Kostrov, A. V. and Morris, T. B. (2019) *Visual-Textual Hagiography in Wall Sheets of Contemporary Old Believers of the Conventual Agreement. New Research of Tuva*. no. 1, pp. 95–107. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.7>
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Tuva as a Limiting Zone: Language, Religion, and Identification of the Tuvans. New Research of Tuva*. no. 3, pp. 178–194. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Lamazhaa, Ch. K. and Bakhtikireeva, U. M. (2022) *Cursed Lives and the Value Crisis in Tuvan Society. New Research of Tuva*. no. 1, pp. 266–275. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>
- Mongush, M. V. (2010) *Foreign Researchers of Tuva (A Brief Overview). New Research of Tuva*. no. 2, pp. 203–237. (In Russ.)
- Contemporary Religious Life in Russia. Experience of Systematic Description (2005): in 4 vols. / Ed. by M. Burdo, S. Filatov*. Moscow, Logos. Vol. III. 464 p. (In Russ.)
- Contemporary Religious Life in Russia. Experience of Systematic Description (2006): in 4 vols. / Ed. by M. Burdo, S. Filatov*. Moscow, Universitetskaya Kniga; Logos. Vol. IV. 366 p. (In Russ.)

Humphrey, C. (2010) *Post-Soviet Transformations in the Asian Part of Russia (Anthropological Essays)*; Preface by B. Bazarov; Translated from English by A. and N. Kosmarskikh; Scientific Editor of the Translation N. Kosmarskaya. Moscow, Natalis. 384 p. (In Russ.)

Kharitonova, V. I. (2018) Tuvan (Neo)Shamanism as a Cultic and Healing Practice in the Contemporary World. *New Research of Tuva*. no. 4, pp. 47–76. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>

Chernyavskaya, V. E. (2017) *Scientific Discourse: The Presentation of Results as a Communicative and Linguistic Problem*. Moscow, LENAND. 144 p. (In Russ.)

Shaposhnikov, M. (2017) Tuvan Music and World Music. *New Research of Tuva*. no. 2, pp. 122–141. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.2.5>

Bramwel, P. (2009) *Pagan Themes in Modern Children's Fiction: Green Man, Shamanism, Earth Mysteries*. Palgrave Macmillan. 224 p.

Donahoe, B. (2004) *A line in the Sayans: history and divergent perceptions of property among the Tozhu and Tofa of South Siberia*. Bloomington, Indiana University. 606 p.

Fridman, E. (2004) *Sacred Geography: Shamanism Among The Buddhist Peoples Of Russia*. Budapest, Akademiai Kiado. 324 p.

Handelman, D. and Lindquist, G. (2011) Religion, Politics, and Globalization: The Long Past Foregrounding the Short Present — Prologue and Introduction. In: *Religion, Politics, and Globalization: Anthropological Approaches*. Ed. by G. Lindquist and D. Handelman. N.-Y., Berghahn. 316 p. Pp. 1–66.

Harrison, D. (2005) A Tuvan Hero Tale, With Commentary, Morphemic Analysis, And Translation. *Journal Of The American Oriental Society*, vol. 125, issue 1, pp. 1–30.

Levin, T. (2010) *Where Rivers and Mountains Sing: Sound, Music, and Nomadism in Tuva and Beyond*. Indiana University Press. 312 p.

Lindquist, G. (2005) Healers, Leaders and Entrepreneurs: Shamanic Revival in Southern Siberia. *Culture and Religion*, vol. 6, pp. 263–285. DOI: <https://doi.org/10.1080/01438300500226430>

Michael, T. (2015) Shamanism Theory and the Early Chinese Wu. *Journal of the American Academy of Religion*, vol. 83 (3), pp. 649–696. DOI: <https://doi.org/10.1093/jaarel/lfv034>

Oelschlaegel, A. (2016) *Plural Word Interpretations. The case of the South-Siberian Tyvans*. Berlin, LIT Verlag. 266 p.

Pegg, C. (2024) *Drones, Tones, and Timbres: Sounding Place among Nomads of the Inner Asian Mountain-Steppes*. University of Illinois Press. 360 p.

Pimenova, K. (2013) Lorsque les esprits voyagent. Echanges entre le chamanisme touva et le core shamanism dans la Russie postsoviétique. *Civilisations*, vol. 61–2, pp. 89–105. DOI: <https://doi.org/10.4000/civilisations.3263>

Pimenova, K. (2013) The «Vertical of Shamanic Power»: The Use of Political Discourse in Post-Soviet Tuvan Shamanism. *Laboratorium*, vol. 5 (1), pp. 118–140.

Poppe, E. (2007) A hotspot of intergroup relations: Russians and Tuvans in Tuva. In: E. Poppe and M. Verkuyten (Eds.) *Culture and Conflict: Liber Amicorum for Louk Hagendoorn*. Amsterdam, Aksant. 367 p. Pp. 325–334.

Purzycki, B. (2013) The minds of gods: a comparative study of supernatural agency. *Cognition*, vol. 129, issue 1, pp. 163–179. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2013.06.010>

Purzycki, B. (2016) The Evolution of Gods' Minds in the Tyva Republic. *Current Anthropology*, vol. 57 (s 13), pp. 88–104. DOI: <https://doi.org/10.1086/685729>

Purzycki, B. and Kulundary, V. (2018) Buddhism, identity, and class: fairness and favoritism in the Tyva Republic. *Religion, Brain & Behavior*, vol. 8:2, pp. 205–226. DOI: <https://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267031>

Roe, P. (2021) Societal Security. In: *Contemporary Security Studies* / ed. by A. Collins. Oxford University press. 524 p. Pp. 221–235.

Shamanism: an encyclopedia of world beliefs, practices, and culture (2004) / ed. by M. N. Walter and E. J. Fridman. Santa Barbara, Manufactured in the United States of America. 1055 p.

Stelmaszyk, M. (2018) Turbulent beings. Curses and systems of healing cooperation in post-Soviet Tuva. *Curare, Journal of Medical Anthropology*, vol. 41 (1+2), pp. 51–62.

Stelmaszyk, M. (2022) *Shamanism in Siberia Sound and Turbulence in Cursing Practices in Tuva*. London, Routledge. 162 p.

Stepanoff, Ch. (2018) *Chamanisme, rituel et cognition: Chez les Touvas de Sibérie du Sud*. Éditions de la Maison des sciences de l'homme. 416 p.

Van Deusen, K. (2004) *Singing story, Healing Drum: Shamans and Storytellers of Turkic Siberia*. Montreal, McGill-Queen's University Press. 205 p.

Wallace, V. (2006) Eva Jane Fridman, Sacred Geography: Shamanism Among The Buddhist Peoples Of Russia. *Bibliotheca Shamanistica. Religion*, vol. 36, pp. 55–57.

Walters, Ph. (2001) Religion in Tuva: Restoration or Innovation? *Religion, State and Society*, vol. 29, no. 1, pp. 23–38.

Zorbas, K. (2021) *Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives*. Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Submission date: 05.10.2024.

Acceptance date: 30.10.2025.